

А. Ю. Гулидов

Размещение беженцев на территории Владимирской губернии в годы Первой мировой войны

В статье рассматриваются проблемы первичного приема и размещения беженцев на территории Владимирской губернии в годы Первой мировой войны. Приводятся примеры конкретных трудностей, которые возникали на этом этапе, и вскрываются их причины. Дается оценка роли губернатора и местных органов власти в деле размещения беженцев.

Ключевые слова: беженцы, социальная политика, Первая мировая война, российская провинция, органы власти, губернатор, земства и города.

A. Ju. Gulidov

Accommodation of Refugees in the Territory of the Vladimir Province in the Days of the World War I

The article is focused on the problem of initial reception and disposal of refugees in the territory of the Vladimir province during the World War I. There are examples of specific hardship in this process and analysis of its reasons. The role of the governor and local authority in the process are considered.

Keywords: refugees, social policy, the World War I, a Russian province, authority, governor, zemstvo and cities.

С начала 1915 г. на территории Владимирской губернии, как и во всей центральной полосе России, стали появляться большие группы беженцев, прибытие которых значительно осложняло кризисные явления в российской провинции. До 1915 г. беженцы, которые по большей части были выходцами из Польши, пользовались помощью национально ориентированного Польского комитета. Но с началом массового бегства населения с территории западных губерний государство было вынуждено организовать этот поток, а также обязать местные органы самоуправления (земства и городские власти) проводить согласованную политику по размещению и включению в общественные структуры провинции прибывающих вынужденных переселенцев. В отечественной историографии вопросы социальной политики периода Первой мировой войны в плане обеспечения беженцев рассматривались в ряде статей и нескольких монографиях, однако авторами особо не изучался административный аспект проблемы. Некоторыми исследователями отмечается, что власти губернии стремились всеми силами организовать размещение и питание беженцев, но результаты этой работы были несовершенны [1]. Между тем причины отдельных недоработок местных властей заключались в полном отсутствии согласования между действиями власти и орга-

нов самоуправления в провинции и действиями центральных комитетов по вопросам движения и размещения беженцев. Владимирская губерния сталкивалась с типичными для центральных губерний России проблемами размещения вынужденных переселенцев.

Наибольшие проблемы возникали на первоначальном этапе размещения беженцев. Перед местными организациями помощи вынужденным переселенцам стояла задача не допустить переполнения губернии беженцами, точнее, скопления в крупных железнодорожных узлах больших масс населения. Городские, уездные и губернский комитеты помощи беженцам не располагали должным авторитетом, чтобы отказывать главному уполномоченным по вопросам перемещения беженцев от МВД и военного ведомства, поэтому приходилось привлекать к вопросу регулирования миграционных потоков губернатора. Именно его фигуре принадлежала ключевая роль в сдерживании излишних переселенцев. Сверху спускались «круглые» цифры партий по несколько тысяч человек за раз. Такое количество населения разом разместить или хотя бы накормить не представлялось возможным, учитывая, что во Владимире было не более 10 питательных пунктов. Другой особенностью деятельности губернатора было то, что он формально не нес ответ-

ственности за размещение беженцев, и занимались этим местные комиссии, созданные согласно закону от 30 августа 1915 г. Тем не менее, в случае возникновения недоразумений или «недоработок», затрагивающих «беженский» вопрос в крупных масштабах, именно губернатору приходилось отвечать на запросы уполномоченных от МВД и военного ведомства и лично своими приказами исправлять ситуацию.

Примером может служить телеграмма от 14 октября 1915 г. главноуполномоченного от военного ведомства губернатору с требованием срочной организации питательных пунктов на нижегородской и муромской железных дорогах [2]. На тот момент ответственность за создание подобных пунктов несли только местные комитеты помощи беженцам. Постоянные затруднения вызывали вопросы снабжения. Согласно действующему законодательству, за питание беженцев на этапе транспортировки несло ответственность военное ведомство, которое занималось «первичной» эвакуацией населения из зон боевых действий. Но осуществлять это финансирование напрямую было «затруднительно». В результате довольствие беженцев на продовольственных пунктах губернаторы осуществляли, выдавая авансы заведующим продовольственными пунктами из средств губернской канцелярии, затем заведующие отчитывались перед губернаторами, а губернаторы – перед военным ведомством, которое оплачивало расходы губернии по питанию переселенцев, что создавало дополнительную путаницу в отчетах [3].

Необходимо отметить, что и после размещения вопрос обеспечения беженцев средствами к существованию решался своеобразно. Были объявлены обязательные нормы на питание и жилье для беженцев. Государство действовало так же, как в случае с раздачей пособий семьям призванных, то есть не проводило непосредственные выплаты семьям переселенцев, а кредитовало земские и городские организации по линии МВД средствами на выплату пособий, наем жилья и питания. Кредиты предоставлялись беспроцентные, а срок погашения предполагалось установить по окончании войны [4].

Работу по первоначальному расселению беженцев чрезвычайно усложняло также и то, что возникло сразу двое главноуполномоченных по беженскому вопросу. Один (Тышкевич) – при МВД, а второй (Кисляков) – при военном ведомстве. Если в обязанности первого входила так называемая вторичная эвакуация беженцев из

районов, куда беженцы попадали непосредственно из полосы боевых действий, то второй направлял эшелоны с беженцами напрямую с фронта. Закономерно, что свои действия оба главноуполномоченных согласовывать не желали, и, зная о том, что максимальная норма приема беженцев, к примеру, в городе Иваново-Вознесенске Владимирской губернии 2000 человек, могли направлять оба по максимальной норме на 4000 человек разом. Следует сделать примечание, что речь идет не о двух конкретных чиновниках, а о целом штате их сотрудников, которые готовили планы перемещения, не имея ни полномочий, ни времени на согласование деятельности.

К счастью для губернатора круглые цифры планировавшихся перевозок не всегда имели отношение к действительности, поскольку оба уполномоченных считали всех беженцев сразу. Часто приходилось их «делить» между ведомствами, еще большая часть просто не желала оставлять свои места жительства, в том числе и «временные». К примеру, сначала губернатору пришла телеграмма из Ставки о том, что из Орши с 5 по 15 октября 1915 г. ежедневно будет идти по поезду с 1500 человек в каждом, соответственно, требовалось срочное размещение около 15000 человек [5]. Между тем даже 13 октября ни один состав не пришел, зато 7 числа Тышкевич прислал требование на размещение 15000 человек, а на следующий день и Кисляков – на 16500 человек. Здесь следует учитывать, что максимальное число свободных мест в губернии было оценено в 30000 человек, а принимать ежедневно могли только небольшими партиями по 300 человек. В такой ситуации губернатор, дабы успокоить близкие к панике местные комитеты, был вынужден обратиться к Кислякову с просьбой разобраться в ситуации и сократить число переселенцев. Как выяснилось чуть позже, речь шла об одной и той же партии беженцев, лишь часть которой переправлялась во Владимирскую губернию [6].

Вместо того чтобы сократить число начальствующих и руководящих процессом перемещения беженцев, 2 ноября 1915 г. была введена еще одна должность главноуполномоченного – на этот раз главноуполномоченного особого совета по устройству беженцев во Владимирской и Рязанской губерниях с задачей «объединения деятельности местных властей, правительственных и общественных учреждений, а равно и частных организаций и лиц, помогающим беженцам». Им

стал ломжинский губернатор тайный советник Папудоголо [7]. Полицмейстерам и исправникам, а равно и членам местных комиссий предписывалось тесно с ним сотрудничать. Новый главноуполномоченный незамедлительно начал отсылать очередные требования по приему беженцев, забывая согласовывать их с требованиями двух других главноуполномоченных. Между тем, был опубликован и известен «Наказ...» главноуполномоченным по устройству беженцев внутри империи от 29 октября 1915 г., согласно которому они «<...> руководят делом передвижения и устройства <...> ознакомляются с положением <...> наблюдают за оказанием врачебной и продовольственной помощи, лично согласуют меры помощи <...> поддерживают взаимную связь и осведомляют МВД» [8]. Но он остался чисто декларативным.

Случались и просто технические накладки, которые также приносили некоторые неприятности, в том числе и губернатору. 16 октября 1915 г. от МВД за подписью заместителя министра в адрес владимирского губернатора поступило требование срочно прекратить переотpravку беженцев, прибывающих для выгрузки в губернию маршрутными поездами. В ответе губернатора содержалось возмущенное заявление о том, что он не понимает, о чем идет речь. Спустя неделю дело прояснилось. Оказывается, губернатор получил одно из «типовых» писем, рассылающихся всем с одинаковым содержанием, без учета ситуации в отдельных губерниях. Правда, ответил губернатору Тышкевич – главноуполномоченный по вопросу о беженцах при министре внутренних дел, который и нес ответственность за отправку требования от министра внутренних дел [9].

Приходилось решать проблему лиц, случайно оказавшихся в губернии. С 20 сентября 1915 г. из Шклова стали прибывать поездом беженцы числом 2400 человек. Как выяснилось из их путевых документов, данная партия предназначалась для Бессарабии, Сибири и Кубани. Помня о требованиях по запрету на пересылку беженцев, губернатор прямо запросил у Кислякова (главноуполномоченного от военного ведомства), что делать в подобной ситуации [10]. Ответ уполномоченного не давал никаких конкретных рекомендаций и предписывал губернатору самостоятельно решать вопрос. В тексте документа указывалось на то, что именно за способность к решению проблем человек ставится на должность губернатора.

Решение вопроса губернатором было затруднено рядом обстоятельств. Приходилось изыскивать дополнительные средства для дальнейшей переправки беженцев. Обычно на вокзалах, когда опоздавший на свой поезд или ошибочно доставленный не туда беженец требовал продолжения движения, с него требовали оплату по пассажирскому или специальному беженскому тарифу, что было все равно неприемлемо. В связи с этим циркуляром от 23 октября 1915 г. местным железнодорожным начальникам и комитетам по оказанию помощи беженцам предписывалось оказывать всяческую поддержку всем «ошибочно присланным» переселенцам. Таких граждан предлагалось либо отправлять в составе попутных переселенческих эшелонов, включая их в особые списки, либо, если пункт назначения располагался довольно далеко, отправлять их во Владимир, откуда на средства, выделенные губернатором, они будут переправляться в пункты назначения [11]. Между тем, существовали строгие распоряжения о порядке перевозки беженцев. При отправке таких «заблудившихся» переселенцев необходимо было учитывать весь комплекс действующих запретов, в том числе и шаблонное письмо от МВД с требованием вовсе не «переселять переселенцев» [12]. 15 ноября 1915 г. главноуполномоченные Юго-Западного и Северного фронтов потребовали принять решительные меры к прекращению свободной выдачи союзами земств и городскими комитетами предложений на провоз беженцев, мешающий остановке движения беженцев с фронтов. То есть практически вводился непрямой запрет на пересылку своих беженских эшелонов, поскольку через Владимир на восток шли составы с фронтов, а любой новый эшелон создавал помеху движению [13].

Особое беспокойство у владимирского губернатора вызывал и «еврейский вопрос». С территории западных губерний перемещалось большое число лиц еврейской национальности, в том числе и насильно, по причине их «неблагонадежности» [14]. Владимирскому губернатору виделось нежелательным переселение большого числа евреев на территорию губернии. Если к богатым переселенцам-евреям, переводившим с собой собственное дело, относились вполне терпимо, то к евреям, следующим в общем беженском потоке, относились как к досадной помехе. Ситуация усугублялась тем, что еврейские организации, особенно Московское еврейское общество, самостоятельно решало проблемы расселе-

ния евреев и закупало билеты для переселения крупных партий на собственные средства, не согласуя свои действия с запланированными потоками переселенцев. Губернатор направлял телеграммы в Петроград с прямыми вопросами о том, как решать еврейскую проблему. 22 октября 1915 г. он жалуется на еврейскую организацию и спрашивает, куда ему выселять с территории губернии «присланных евреев» [15]. 5 ноября 1915 г. очередная телеграмма с жалобой на то, что Московское еврейское общество самовольно направляло переселенцев в губернию, партия евреев-беженцев осела в Шуе и Иваново-Вознесенске, 40 человек обжились в Покрове и не хотят следовать далее в Нижний Новгород [16]. Ответ из МВД, поступивший 12 декабря 1915 г., не содержит никаких рекомендаций по решению вопроса, но особо выделяет одно требование: «<...> согласно распоряжению министра <...> принять меры, чтобы беженцы евреи впредь совсем не направлялись в Петроград и Москву» [17]. Губернатор был лишен единственного способа быстрого избавления от непрошенных поселенцев, прибывающих главным образом из Москвы. Обрато их отправить на том же поезде уже было нельзя. Приходилось мириться с их присутствием, тем более что размещение, питание и лечение брали на себя еврейские общества. Другие благотворительные организации также предоставляли еврейским переселенцам свою помощь [18]. Что касается «засилия» евреев в Иваново-Вознесенске и Шуе, то оно объясняется тем, что в составе «Объединенного комитета» (городского, по помощи беженцам) с самого начала активно действовало еврейское общество, которое оказывало финансовую помощь, поэтому местные власти на многое закрывали глаза: из Иваново-Вознесенска не поступило ни одной жалобы на незаконное водворение евреев-переселенцев, зато из Владимира запросов по этой тематике было несколько.

Из представленного обзора проблем, связанных только с первоначальным размещением беженцев, видны основные причины недостаточной эффективности государственной политики по обеспечению беженцев. Не были решены даже такие первостепенные вопросы, как согласование транспортных потоков, финансирования, не были разработаны программы помощи переселенцам. Ситуацию исправляло только тесное сотрудничество губернатора и местных комиссий по оказанию помощи беженцам. Губернатор фактически был вынужден «прикрывать» эти комис-

сии от чрезмерных задач и норм, спускаемых сверху, а также изобретать источники финансирования. Играла роль и высокая инициативность местных организаций в вопросах размещения и питания. В этом довольно странном и противоречивом сотрудничестве заключалась причина того, что, несмотря на общую неразбериху при пересылке беженцев, размещались они на территории губернии быстро и без скопления заторов на крупных железнодорожных станциях.

Библиографический список

1. Кищенко, М. С. Беженцы Первой мировой войны в Ярославской губернии [Текст] / М. С. Кищенко // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – № 2. – С. 61–62.
2. ГАВО – Ф. 204. – Оп. 3. – Д. 529. – Л. 336.
3. ГАИО – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 5499. – Л. 281.
4. ГАВО – Ф. 204. – Оп. 3. – Д. 529. – Л. 412.
5. ГАВО – Ф. 204. – Оп. 3. – Д. 529. – Л. 318.
6. ГАВО – Ф. 204. – Оп. 3. – Д. 529. – Л. 342.
7. ГАВО – Ф. 204. – Оп. 3. – Д. 529. – Л. 399.
8. ГАВО – Ф. 204. – Оп. 3. – Д. 529. – Л. 435.
9. ГАВО – Ф. 204. – Оп. 3. – Д. 529. – Л. 346.
10. ГАВО – Ф. 204. – О. 3. – Д. 529. – Л. 359.
11. ГАИО – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 5499. – Л. 241.
12. ГАИО – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 5499. – Л. 354.
13. ГАИО – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 5499. – Л. 381.
14. Гурко, В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника [Текст] / В. И. Гурко. – М., 2000. – С. 668.
15. ГАВО – Ф. 204. – Оп. 3. – Д. 529. – Л. 366.
16. ГАВО – Ф. 204. – Оп. 3. – Д. 529. – Л. 385.
17. ГАВО – Ф. 204. – Оп. 3. – Д. 529. – Л. 428.
18. ГАИО – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 5499. – Л. 282, 283.